

Анна Колотовкина

Вадим Радаев. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1.

Анна Колотовкина, факультет социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ЕУСПб, факультет социологии, Гагаринская ул., 6/1, А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. akolotovkina@eu.spb.ru.

«Миллениалы: как меняется российское общество» – книга специалиста по экономической социологии Вадима Радаева в относительно новой для него области исследований молодежи. Еще на первых страницах автор признается: идея исследования родилась под влиянием личного опыта (взаимоотношения с новым поколением студентов и сотрудников университета) (с. 7). Может быть, поэтому книга получилась такой «авторской»: с читателем говорит как будто не отстраненный социальный исследователь, а преподаватель, ищущий подход к молодому поколению – своим студентам.

Если ученый симпатизирует предмету своего исследования, это может стать сильной стороной его работы, но с «Миллениалами...» все не столь однозначно. Это замечание – ни в коем случае не попытка дискредитировать академическую составляющую книги: исследование опирается на различные источники информации, в нем предпринят обширный сравнительный анализ. Радаев вполне справедливо отмечает ограничения данных, на которых построена книга. Поэтому целесообразно представляется критика не источников, а их интерпретации.

Исследование Радаева основано на данных, полученных в результате российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ). В работе использованы данные опросов индивидов за 2016 год, а для сравнительного анализа – «объединенный массив, включающий все доступные волны (1994–2016 годы) (258 366 респондентов старше 14 лет)» (с. 52–53). Метод исследования – логический регрессионный анализ, в качестве зависимых переменных выступают социальные характеристики, которые будут указаны далее в рецензии, а в качестве контрольных – возраст, гендер, доход и т. д. (с. 57–58). К ограничениям исследования относятся недостаток данных, неоднородность опросов, «трудности разделения эффектов поколения и возраста» (с. 60–61). Прочие источники, которые автор использует в работе: материалы ВЦИОМ, ФОМ, а также Pew Research Center (с. 54).

В начале книги Радаев пишет об уходе «советского простого человека» и о социальном переломе 2000-х годов (последовавшем за реформами 1980–1990-х), последствия которого и сделали миллениалов столь резко отличающимися от других поколений (с. 29–30). После разбора существующих подходов к определению границ поколений Радаев переходит к собственному: шесть поколений, начиная с родившихся до 1938 года и заканчивая поколением Z, которое составляют родившиеся (согласно классификации автора, незначительно отличающейся от обще-

принятой) не ранее 2001 года (с. 47–48). Миллениалы, таким образом, – это рожденные в период с 1982 по 2000 год, а взросление их приходится на 2000–2016 годы (с. 49).

Как и любая классификация поколений, приведенная выше вызывает разумные сомнения: насколько допустимо сравнение «старших» миллениалов, многие из которых на момент написания этой книги уже сами находились на преподавательских позициях (как указывает сам автор) и «младших», которые заканчивали школу и начинали учиться в университете? Если отвлечься от оппозиции «студент – преподаватель», то возникает другая «ребенок – родитель»: у некоторых «старших» миллениалов уже есть свои дети, некоторые «младшие» миллениалы еще не завершили сепарацию от родителей. Такого рода сомнения ведут не столько к отрицанию самой идеи деления на поколения, сколько к обозначению контекста: здесь неизбежны обобщения и упрощения, за которые нередко критикуют авторов работ на подобные темы.

В исследовании высказываются две ключевые гипотезы: «Миллениалы значимо опережают предшествующее реформенное поколение и другие старшие поколения по уровню распространения новых практик поведения. [...] И миллениалы ускоряют ранее возникшие тренды по сравнению с предшествующими поколениями или способствуют перелому этих трендов» (с. 51). Первая гипотеза однозначно подтверждается (с. 116), по поводу второй автор отмечает: изменения в трендах не просто происходят – они происходят с разной скоростью и разной динамикой (с. 119–120).

В разделе «Теория» Радаев пишет о контексте проблемы – подходах к межпоколенческому анализу и возможных истоках непонимания между миллениалами и людьми старшего поколения. Вторая часть, «Методология», содержит подробное описание теоретических и эмпирических инструментов исследования. Третий раздел, «Эмпирика», – самый объемный. Здесь Радаев проводит сравнительный анализ: сначала межпоколенческий, а затем «географический» – он сопоставляет городских и сельских миллениалов. В заключительном, четвертом, разделе («Эссе») содержатся рассуждения автора о проблеме. Это «форма размышлений, построенных на основе личного опыта и интуиции, а также на результатах чужих исследований, а не собственного строгого статистического анализа» (с. 11). Здесь Радаев обращается к своему преподавательскому опыту, выделяет ключевые черты студентов-миллениалов и делает попытку сформулировать принципы подхода к обучению таких студентов. Примечательно, что критическая рецензия Эдуарда Лукоянова (2019), опубликованная на портале «Горький», обращена в основном к четвертому разделу – личному мнению автора, иногда идущему вразрез с приводимыми им же в предыдущей главе статистическими данными. Несмотря на действительно спорные высказывания автора в этом разделе, подробный разбор этой части работы здесь, в рецензии, направленной на обсуждение академической составляющей книги, представляется нам неуместным.

В фокусе предлагаемой рецензии – раздел «Эмпирика», где подробно проанализированы различные социальные характеристики поколения. Их можно объединить в следующие группы: образование, взросление, отношения с техноло-

гиями, досуг, здоровье и телесность, отношения с алкоголем, религиозность, субъективное благополучие. В «Миллениалах...» большой объем разнородной информации, сведений, не всегда сочетающихся между собой. Постараемся сфокусироваться лишь на таких темах, где авторская интерпретация представляется наиболее дискуссионной.

Так, в начале книги автор касается достаточно острой темы, которая позднее не будет развита, – это вопрос о политической активности. Точнее – о протестном потенциале миллениалов. Основываясь на данных ВЦИОМ, Радаев пишет, что большинство миллениалов голосовали за Владимира Путина на президентских выборах в 2018 году (с. 20). В результате автор делает вывод о низкой оппозиционной активности молодежи. Однако эти же данные показывают, что, хотя среди миллениалов наблюдалась самая высокая явка, процент поддержки Путина у молодого поколения ниже, чем у остальных возрастных групп (ВЦИОМ 2018). Другой аргумент в пользу идеи о низкой политической активности миллениалов – спад протестных акций (с. 20). Здесь Радаев приводит в пример митинги на Болотной площади. Акции протеста 2010-х были подавлены государственными структурами, однако, с точки зрения автора, «нестабильность» оппозиции связана с невысоким протестным потенциалом миллениалов. А если этот потенциал все-таки проявляется, то, как отмечает Радаев, ведет к радикализации и даже экстремизму (с. 21).

Эти тезисы представляются спорными, но, кроме этого, следует отметить еще одно обстоятельство: далее к обсуждению политического аспекта межпоколенческих различий автор не возвращается. Радаев использует эту тему только чтобы охарактеризовать противоречивые взгляды на миллениалов и «надежды», возлагаемые на них. В основной части книги будет рассмотрен даже вопрос о среднем росте представителей разных поколений, но разговор о политике закончится едва начавшись (причем начавшись со столь спорных утверждений).

В части, посвященной взрослению, Радаев отмечает трудность операционализации этого термина. Для своего исследования он выбирает несколько вариантов признания «взрослости»: «вступление в брак, рождение детей, выход на рынок труда» (с. 69). Отмечается, что «в 2016 г. при медианном возрасте 27 лет лишь чуть более половины представителей поколения миллениалов (54%) считали себя женатыми/замужем [...], а 41% из них еще никогда не образовывали семью» (с. 69). Тот же тренд наблюдается и при анализе такого показателя, как уровень рождаемости: «В 2016 году не имели детей 54% миллениалов (47% женщин и 62% мужчин), в то время как среди их ближайших предшественников в реформенном поколении в 2002 г. (то есть в том же возрасте) не имели детей лишь 31%» (с. 70).

Само измерение взрослости через брак и рождение детей представляется недостаточно обоснованным. Очевидно, автор хотел связать создание семьи с уровнем ответственности, и из приведенных данных, казалось бы, следует, что миллениалы взрослеют позднее предшественников. Однако поколение миллениалов отличается от реформенного хотя бы тем, что в репродуктивном возрасте последних контрацепция не была развита так, как сегодня. Нежелание заводить детей, вопреки распространенному стереотипу (намек на который, по-видимому, содержится в книге), связано не с присущим миллениалам гедонизмом, а с экономиче-

скими трудностями¹. Таким образом, ответственность, о которой упоминает автор, вполне присуща новому поколению – она выражается в частности в нежелании заводить детей в условиях финансовой нестабильности. Ранние браки реформенного поколения могут быть связаны с существовавшими ограничениями для неженатых пар: например, невозможность совместного проживания в гостинице. У миллениалов таких проблем нет, а идея брака как обязательной части жизни подвергается критике. Можно ли сказать, что незарегистрированные пары, выбирающие бездетность, таким образом откладывают взросление? Вопрос спорный.

Пространство для дискуссии открывает и раздел, посвященный телесности, здоровому образу жизни (ЗОЖ) и физической активности. Исследуя употребление миллениалами алкоголя, Радаев приходит к следующему выводу: «Каждое последующее поколение по доле потребителей пьет чуть меньше предыдущего, но у миллениалов это снижение значительно круче» (с. 93). Примечательно, что «нынешние молодые люди не откладывают потребление, напротив, они пробуют алкоголь раньше, но пьют при этом реже и меньше» (с. 96). Радаев объясняет это явление «влиянием разнообразных мер антиалкогольной реформы, возникновением новых форм коммуникации и развлечений, которые в меньшей степени сопрягаются с потреблением алкоголя, а также с растущей приверженностью здоровому образу жизни» (с. 98).

Операционализировать и измерить ЗОЖ непросто, поэтому автор предлагает несколько факторов-маркеров. В качестве первого маркера ЗОЖ Радаев выбирает отказ от курения и приходит к выводу, что «именно в молодом поколении произошел серьезный перелом, связанный с уменьшением курения» (с. 100). Еще одним маркером ЗОЖ выступает физическая культура: и здесь «активность молодого поколения по сравнению с предшествующим поколением скачкообразно возросла» (с. 103). И хотя причинно-следственные связи, предложенные автором, можно подвергать сомнению, наиболее спорными представляются следующие тезисы. «Использование витаминов, минеральных веществ и БАДов» (с. 104), о котором говорит автор как о практике ЗОЖ, сейчас часто оспаривается сторонниками доказательной медицины и является сомнительным предиктором вовлеченности в ЗОЖ-практики. Диеты (о них на с. 104) могут быть связаны не с идеей о правильном питании, а со стремлением соответствовать определенному образу: это в большей степени быти-практика, чем забота о здоровье. И если поколение Z растет в обществе, хорошо знакомом с терминами «феминизм» и «бодипозитив», то миллениалы находятся как бы на стыке: с одной стороны, объективация телесности в медиа, с другой – рост популярности и «мейнстримизация» феминизма.

Радаев обходит стороной темы, связанные со стандартами красоты, репрезентацией телесности в медиа и массовой культуре, проблемами расстройств пищевого поведения (РПП) и другими психическими заболеваниями. Между тем именно эти явления порождают дискуссии, зачастую непонятные представителям поколений, предшествующих миллениалам.

---

¹ Например, Галина Дикке и Любовь Ерофеева отмечают, что «основной мотив отказа от беременности и деторождения – “отсутствие денежных средств” – 71% респондентов назвали его главным» (2016:108).

В заключение хотелось бы отметить, что предмет исследования Радаева настолько широкий – речь идет о целом поколении, сами границы которого могут оспариваться, – что любое высказывание о нем выглядит слишком общим. Социально-экономическое положение, национальность, род занятий, наконец, временная приближенность к реформенному поколению или поколению Z – все это может влиять на индивида в первую очередь, а условная миллениальность как характеристика отодвигаться на второй план.

Каждая из рассмотренных Радаевым социальных характеристик предполагает дальнейший анализ. Так, мы видим, что миллениалы откладывают вступление в брак, и эти «поздние» семьи могут существенно отличаться от семей, созданных реформенным поколением. В каждой подтеме был упомянут гендерный аспект, однако и он требует дальнейшей работы: можно, например, предположить сильный гендерный эффект в том, что связано с ЗОЖ или досугом. Вопросы, на которые работа Радаева дает ответ, порождают новые вопросы. «Да, – устанавливает автор, – миллениалы все еще часто смотрят телевизор», но тут же возникает новый вопрос: почему они продолжают делать это в эпоху интернета?

Разумеется, категория миллениалов (как и любая поколенческая категория) во многом условна, и Радаев это хорошо осознает. Его книга – это не попытка выделить «чистый» тип абстрактного миллениала, а повод начать разговор о коммуникации условных «отцов» и «детей» (в глобальном смысле), о поколении, которое уже вступило или только вступает в профессиональную жизнь. Почему этот разговор не получился? Возможно, дело в позиции, которую выбрал автор: рассказ преподавателя о своих студентах. Несмотря на насыщенность книги разнообразными количественными данными, автор недостаточно внимательно относится к контексту. Миллениалы зачастую говорят о семье, здоровье и политике в иных терминах и категориях, нежели предшествующие поколения, и, кажется, именно этой оптики и недостает книге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ВЦИОМ. 2018. «Молодежь ломает стереотипы». 22 марта. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-steriotipy->.
- Дикке, Галина и Любовь Ерофеева. 2016. «Контрацепция в современной России: применение и информированность (популяционное исследование)». *Акушерство и гинекология* 2:108-113. doi:10.18565/aig.2016.2.108-113.
- Лукоянов, Эдуард. 2019. «Поганая молодежь. О книге Вадима Радаева про миллениалов». Горький, 3 июля. <https://gorky.media/reviews/poganaya-molodezh>.